

Д. В. Каравайко

Проблема погребального обряда юхновской культуры

D. V. Karavayko.

Funeral Rite of Yukhnov Culture.

This contribution is a follow up to the article published in one of the recent volumes of *Stratum plus*. The article was dedicated to results of a research on Early Iron Age fortified settlement left by Kiselevka II (Yukhnov Culture) population. Excavations of 2008 on the site unearthed some burials of Yukhnov Culture. These materials, as well as some scarce burials from other settlements, enabled us to raise the question of Yukhnov funeral rites.

D. V. Karavaiko.

Problema ritului funerar al culturii Iuhnov.

În una din edițiile precedente ale revistei „Stratum plus” a fost publicat un articol care abordează rezultatele cercetării așezării Kiselevka II (cultura Iuhnov) din epoca timpurie a fierului. Studiul dat reprezintă continuarea logică a acelui articol. În 2008 la monumentul au fost depistate înmormântările culturii Iuhnov. Aceste materiale, precum și câteva morminte de pe alte așezări, au constituit temei pentru formularea problemei riturilor funerare ale populației Iuhnov.

Д. В. Каравайко.

Проблема погребального обряда юхновской культуры.

В одном из предыдущих выпусков «Stratum plus» была опубликована статья, посвященная результатам исследования городища раннего железного века юхновской культуры Киселевка II. Данная работа является ее логическим продолжением. В 2008 г. на памятнике выявлены погребения юхновской культуры. Эти материалы, а также немногочисленные погребения с других поселений, стали основой для постановки проблемы о погребальной обрядности юхновского населения.

Keywords: Yukhnov Culture, Kiselevka II, funeral rite, Early Iron Age.

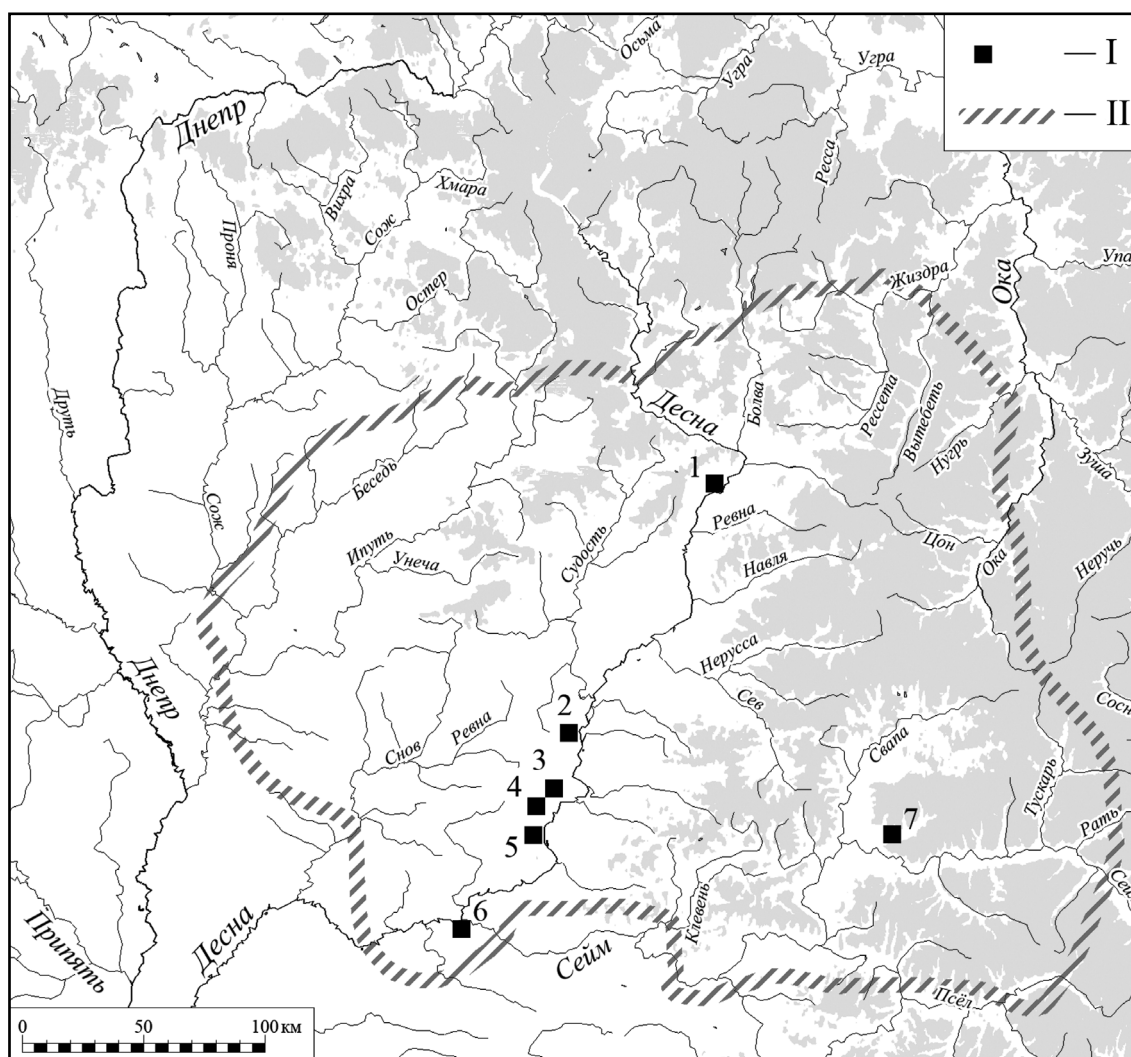
Cuvinte cheie: cultura Iuhnov, Kiselevka II, rituri funerare, epoca timpurie a fierului.

Ключевые слова: юхновская культура, Киселевка II, погребальный обряд, ранний железный век.

Всестороннее изучение какой-либо археологической культуры невозможно без проведения анализа погребального обряда. Именно погребения являются важнейшим источником для решения ряда вопросов, связанных с древним населением того или иного региона. Вместе с тем для отдельных археологических культур захоронения неизвестны. В полной мере это касается культур эпохи раннего железного века, в частности, Лесного Поднепровья и некоторых соседних территорий. Как исключение, милоградская культура Беларуси и севера Украины (Мельниковская 1967а: 41—54; 1970: 53), а также подгорцевские памятники (Даниленко 1953: 207;

Петровська 1971: 14—16). Хотя и здесь те или иные вопросы остаются открытыми и требуют детального рассмотрения. Так, несмотря на значительное количество исследованных погребений, информация должным образом не систематизирована. Как итог, не получило объяснения многообразие погребальных обрядов.

Достаточно сложной и слабо изученной является проблема могильников у населения юхновской культуры. Невзирая на значительные раскопки, проведенные в послевоенные годы, лишь в 1966 г. на Кудлаевском городище было открыто первое захоронение, осуществленное по обряду частичной кремации

Рис. 1. Карта местонахождений погребений юховской культуры. I — местонахождения погребений населения юховской культуры, II — ареал юховской культуры. 1 — городище Полужье; 2 — городище Киселевка II; 3 — городище Горбово; 4 — городище Кудлаевка; 5 — городище Мезин; 6 — поселение и могильник у с. Долинское; 7 — городище Марица.

(Мельниковская 1966: 6—7). В последующие года обнаружены городище и Долинское поселение (Мельниковская 1969; Мельниковська 1977). В результате О. Н. Мельниковской были сделаны три вывода относительно обряда захоронения юховской культуры: 1. наличие биритуализма, 2. близость обряда захоронения юховской и милоградской культур, и 3. влияние обряда захоронения скифских лесостепных племен, благодаря которому в обеих культурах появляются труположения (Мельниковская 1970: 53, 54).

А. И. Пузиковой на городище Марица в 1973 г. исследовано 10 безынвентарных захоронений, оставленных юховским населением (Пузикова 1981: 33—40). Все осуществлены по обряду ингумации.

Вышеназванными публикациями исчерпывается историографическая база относительно погребального обряда юховской культуры. Отдельно следует отметить недоку-

ментированные находки захоронений на поселениях у с. Долинское и Мезинского городища (Мельниковская 1950; 1967: 17—18), а также упоминание В. П. Левенка о первом юховском (?) захоронении вблизи с. Малиновка, которое, к сожалению, не введено в научный оборот (Левенок 1963: 90, рис. 5: 16). Могильник, обнаруженный в верхней части юховского слоя городища Случевск (Шинаков 1985), достоверно относится к более позднему времени (Шинаков 2002: 62).

Как видим, на сегодня известно не так много находок юховских погребений (рис. 1). Ниже приведем их описание. Отметим также, что ряд безынвентарных захоронений, расположенных в контактной зоне с другими культурами, во внимание не принимается, так как их культурная интерпретация точно не определена.

Кудлаевское городище. В 1966 г. на площадке городища обнаружено первое погре-

№3. 2010

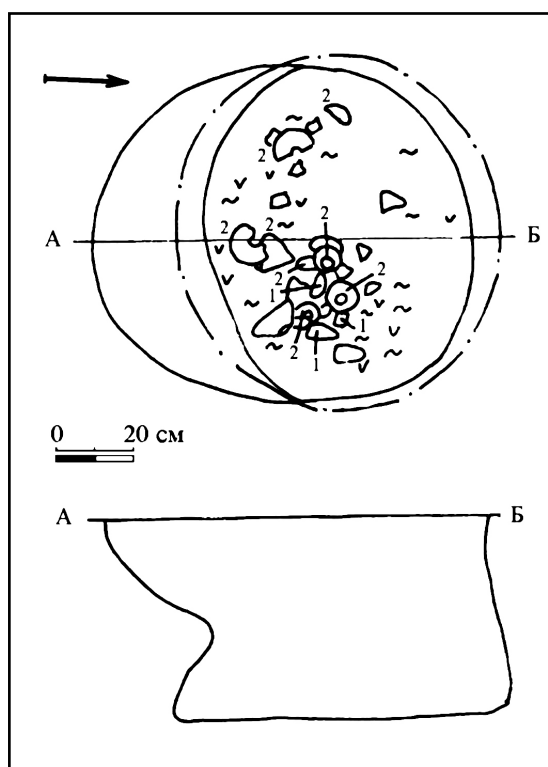
бение юхновской культуры (Мельниковская 1966: 6—7; 1967б; 1970). В округлой ямке диаметром 0,8 м и глубиной 0,45 м было расчищено скопление кальцинированных костей. Инвентарь погребения достаточно бедный: обломки глиняных сосудов, один из которых имел незначительные размеры, глиняные грузила, в том числе и миниатюрные, и глиняные блоки или хлебцы (рис. 2). Отметим, что практически все вещи фрагментированы или разбиты. В могилу была положена только часть глиняного горшка, специально разбитого при совершении погребального обряда. Также в заполнении ямы фиксировались мелкие древесные угли и зола. Кроме того, найдены два необожженных зуба жеребенка и ребро рыбы. Похоронен был ребенок в возрасте 8—11 лет (Мельниковская 1970: 50—51).

Мезинское городище. Остатки погребений на памятнике были зафиксированы еще работами местных краеведов. К сожалению, исследования не были должным образом задокументированы, и, соответственно, малоинформативны и непригодны для работы. Раскопками О.Н. Мельниковской на данном памятнике было обнаружено 20 погребений, 6 из которых были отнесены к эпохе раннего железа, а именно — к юхновской культуре (Мельниковская 1967: 18—21; 1968: 10—15; 1970: 51—53). Все захоронения осуществлены по обряду ингумации в вытянутом положении на спине. Их подробное описание (по О.Н. Мельниковской) приводим ниже.

1967 г. Раскоп 1, погребение 1. Обнаружено на глубине 0,5—0,6 м. Судя по отчету, могильная яма прослежена не была. Скелет ориентирован ЮВ — СЗ (головой на ЮВ). Череп отсутствовал, хотя нижняя челюсть находилась *in situ*. Вытянутые руки лежали так, что пальцы оказались под тазом (рис. 3: 1). Похоронен подросток.

Раскоп 1, погребение 3 (рис. 3: 2). Выявлено на глубине 0,7—0,85 м. Контуры могильной ямы, ориентированной в направлении ВЮВ — ЗСЗ, четко зафиксированы на уровне материка. Ее длина достигала 1,9 м, ширина варьировала в пределах 0,6—0,7 м. В юго-восточной части ямы обнаружен детский череп плохой сохранности (ребенок в возрасте примерно 8 лет). В других частях ямы находились плохо сохранившиеся кости детского костяка. Инвентарь отсутствовал.

Раскоп 3, погребение 7. На глубине 0,75—0,9 м прослежена прямоугольная яма. Расчищен скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине. Ориентирован головой на Ю с небольшим отклонением к В. Руки расположены вдоль туловища. У головы

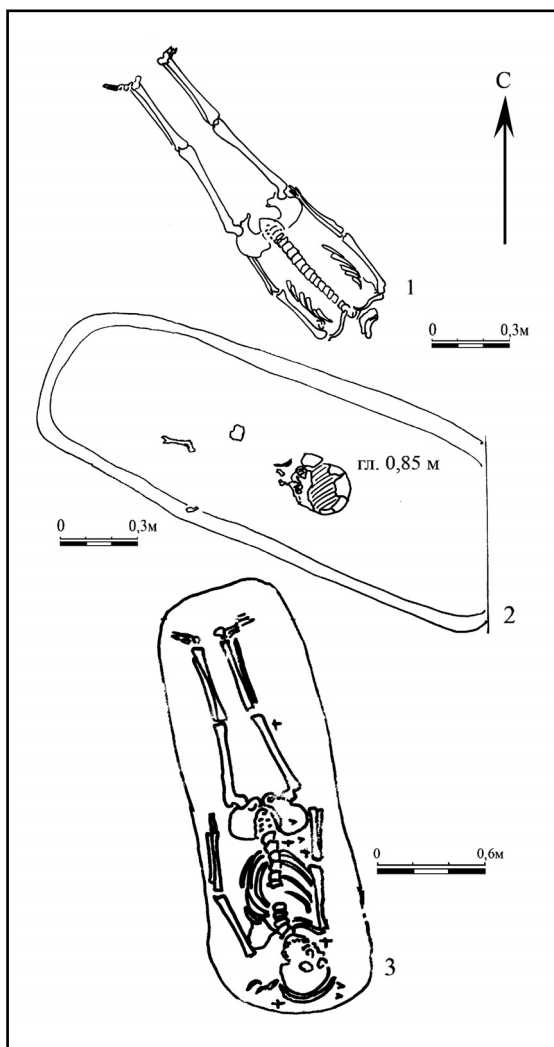

Рис. 2. Погребения с городища Кудлаевна (по О.Н. Мельниковской): 1 — яйцевидные глиняные изделия, 2 — глиняные грузила и их фрагменты.

и таза найдено несколько мелких угольков. Голову окаймляет ребро животного, которое, по мнению исследовательницы, положено преднамеренно (рис. 3: 3). Остальной инвентарь отсутствует.

1968 г. Раскоп 1, погребение 3 (рис. 4: 1). Могильная яма прямоугольной формы с сильно округленными краями фиксировалась на глубине приблизительно 0,75 м. Ее размеры — 2,8×0,7—0,8 м. Яма углублена в материк на 0,05—0,1 м. Скелет находился в вытянутом положении на спине головой на ВСВ. Руки располагались вдоль туловища. Положение костей рук ниже плечевых нарушено, остальные кости скелета не потревожены. Похоронена женщина.

Несколько выше костяка, в заполнении могильной ямы, найден разбитый горшок юхновской культуры, стоявший на дне. Фрагменты его верха были сложены внутрь дна. Сосуд склеился полностью (рис. 5). По своей форме и орнаментации он типично юхновский. Горшок слабопрофилированный. Венчик (диаметр 21 см) плавно отогнут. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть (29,4 см). Его высота — 34,2 см, диаметр дна — 9,3 см. Стенки тонкие — 0,6—0,7 см, и 1,1 см толщина дна. Сосуд украшен по верху плечиков косыми насечками. По верху венчика располагаются вдавления схожих форм.

Рис. 3. Юхновские погребения с городища Мезин (по О. Н. Мельниковской).

По предположению О. Н. Мельниковской, горшок стоял в ногах погребенной. Судя по описанию и рисунку, сложно понять, все ли его фрагменты были найдены в развале. Прочий инвентарь отсутствует.

Раскоп 4, погребение 1 (рис. 4: 2). На уровне материка (0,1 м) было зафиксировано темное пятно могильной ямы прямоугольной формы (2 × 1 м). Глубина 0,1 м. Отметим, что ее контуры были видны и выше. Далее описание погребения приведем дословно. «Яма ориентирована Ю — С, с небольшим отклонением на Ю — В. Скелет лежал головой на Ю, на спине с вытянутыми руками и, по-видимому, вытянутыми ногами. Расположение костей частично нарушено, как в центральной части, так и в ногах. ... По предварительному определению, погребение женское. Возле черепа на ребре лежала железная булава или игла (сохранность металла очень плохая), слева у плеча — лепной черепок, а немного выше (0,4 м от поверхности, над

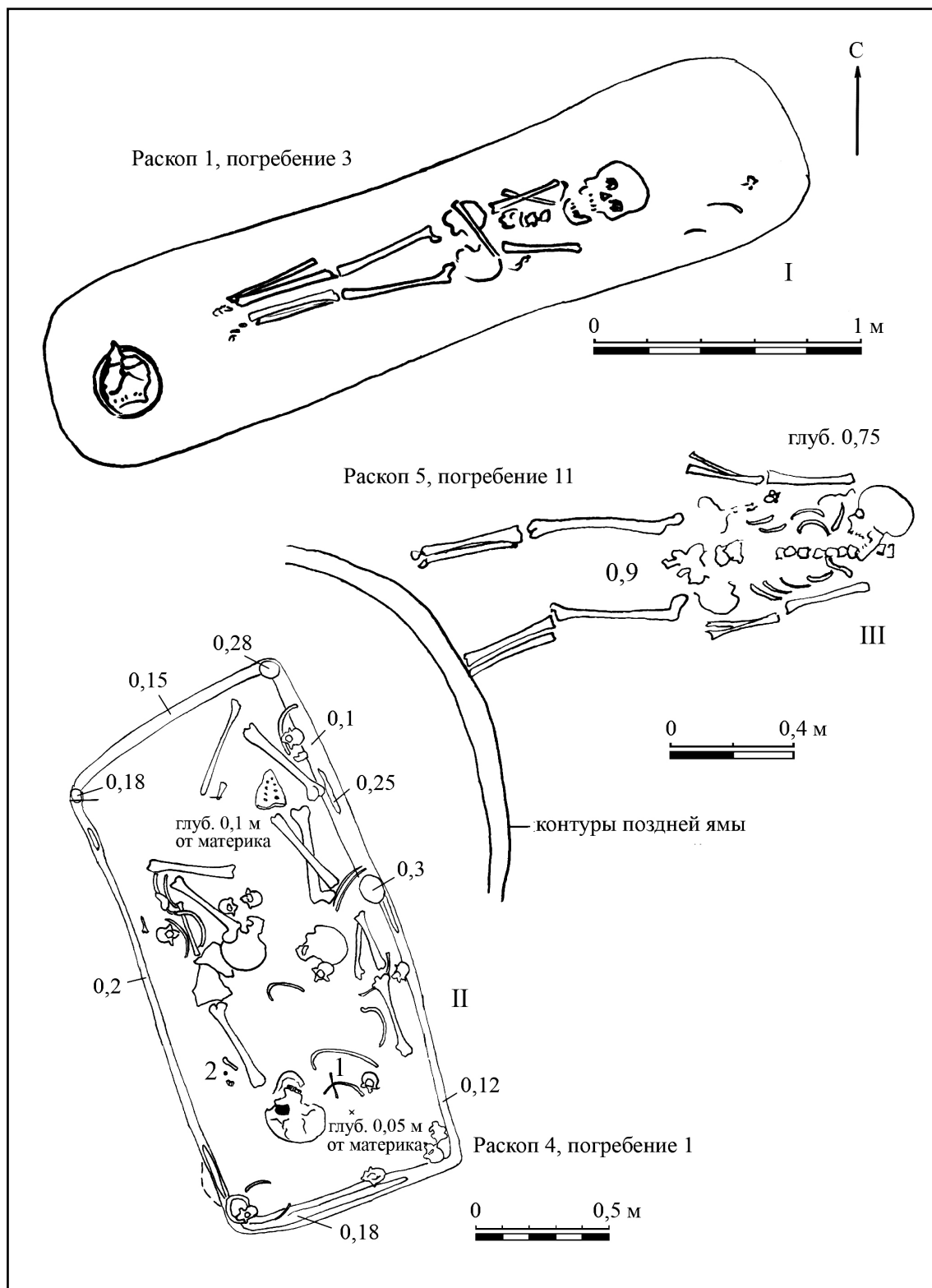
изголовьем погребенной) найден кремневый клиновидный топор из серого непрозрачного кремня со следами полировки. Не исключено, что топорик может быть связан с погребением, и еще более вероятна связь с погребением железного изделия, хотя нарушенность скелета, а также наличие над ним культурного слоя, не позволяют утверждать этого наверняка. Большой интерес представляет устройство могильной ямы. Она имела края в виде глубокой узкой канавки (глубина от уровня материка 0,15—0,2 м, ширина 0,05—0,07 м) со следами столбиков по углам и по одной из стен. ... Местами в канавке прослежен белый порошок и угольные крошки. Следы охры и угольная крошка были также и на дне могилы, среди костей скелета» (Мельниковская 1968: 12).

Раскоп 5, погребение 11 (рис. 4: 3). Погребение совершено в нижней части культурного слоя, благодаря чему проследить могильную яму не удалось. Скелет взрослого человека с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентирован головой на В. Под скелетом найдено несколько черепков юхновских горшков. Инвентарь отсутствует.

Кроме данных погребений, по словам О. Н. Мельниковской, «При охранный зачистке на восточном склоне городища местным краеведом В. Е. Куриленко в 1964 г. был обнаружен в основании слоя скелет взрослого человека, ориентированный головой на восток. Зачисткой были выявлены череп и кости плечевого пояса. Далее вглубь погребение не расчищалось. Возле черепа лежали небольшой горшочек грубой лепки с дресвой, выделенной шейкой и косыми врезками по верху венчика и вплотную к нему бронзовая гвоздевидная булава с насечками в верхней части стержня. Непосредственно на черепе лежали две бронзовые округлые бляшки диаметром 2—2,5 см. На хранящемся в школьном музее черепе от этого погребения (имевшем, как и все древние погребения на городище, коричневый цвет) сохранились следы окиси меди. На север от черепа был найден разбитый крупный орнаментированный юхновский сосуд, связь которого с погребением хотя и вероятна, но не документирована» (рис. 6) (Мельниковская 1968: 15—16).

Подведем краткие итоги. Прежде всего, бросается в глаза разнообразие ориентировки покойных. В четырех случаях погребенные лежали головой на ЮЮВ, в двух случаях — головой на В и в одном — на С. В четырех погребениях инвентарь отсутствовал (ребро у головы из погребения 7, раскопа 3 во внимание не берем). В трех могилах найдены

№3. 2010

Рис. 4. Юхновские погребения с городища Мезин (по О.Н. Мельниковской). 1 — железная булавка, 2 — керамика, 3 — кремневый топор (на 0,6 м выше дна).

горшки или их фрагменты. Возможно, их следует связывать с проведением неких погребальных обрядов, в то время как находки бронзовых булавки и бляшек, а также железной булавки (иглы), скорее всего, являются остатками костюма и не связаны с обрядовы-

ми действиями (не являются вещами, преднамеренно положенными в могилу). Кремневый топор из погребения 1 раскопа 4, вероятно, попал в могилу случайно, что не исключает и О.Н. Мельниковская. На сегодняшний день находки кремневых артефактов, которые

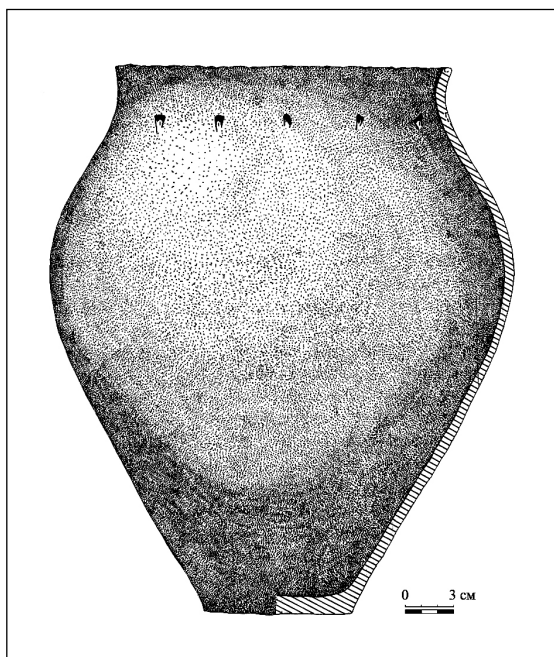

Рис. 5. Юхновский горшок (городище Мезин, погребение 3, раскоп 1).

принадлежат населению юхновской культуры, не известны.

Обращает на себя внимание и половозрастная дифференциация погребенных. В двух случаях похоронены женщины, еще в двух — подросток и ребенок. Три погребения принадлежат взрослым, при этом не указывается пол. В данном случае важно то, что стопроцентно говорить о погребениях мужчин не приходится. Естественно, выборка из шести погребений слишком мала и непоказательна. Кроме того, отсутствие данных определений антропологов несколько уменьшает ценность данного могильника и не позволяет сделать выводы относительно пола погребенных.

Необходимо остановиться еще на одном немаловажном наблюдении. В четырех случаях из шести (погребение, частично исследованное В. Е. Куриленко, во внимание не берется) кости скелета находились в разной степени перемешанном (нарушенном) состоянии. В погребении 1 раскопа 1 1967 г. еще и отсутствовал череп. Разбитый горшок из погребения 3, раскопа 1 1968 г. располагался несколько выше скелета, т.е. в заполнении могильной ямы. Предполагать ограбление могил вряд ли правомерно. Вещи, найденные в слое Мезинского городища, не представляют собой какой-либо ценности, впрочем, как и весь материальный комплекс юхновской культуры является достаточно бедным. Как пример, даже изделия из бронзы являются редкостью, не говоря уже о вещах из драгоценных металлов. Таким образом, предполагаем, что в древности имело

место вторичное проникновение в могилы. К этому вопросу мы вернемся позже. Сейчас лишь отметим тот факт, что яма погребения 3 раскопа 1 1968 г. имела слишком большую длину (2,8 м!). Не является ли часть этой ямы следами позднего проникновения? К сожалению, судя по отчету, стратиграфически это проследить, не удалось.

Могильник у с. Долинское. Первые погребения на данном памятнике были выявлены еще в 30-х годах XX века. Судя по инвентарю и, к сожалению, неполной публикации (Мельниковская 1950), их следует отнести к населению скифской (скифоидной) культуре. Исключение составляет одно погребение, исследованное сотрудником Сосницкого музея Ю. С. Виноградским. Им было расчищено детское захоронение с миниатюрным тонкостенным горшочком (венчик обломан) у головы. Он орнаментирован несколькими косыми вдавлениями. Подобный орнамент характерен для посуды юхновской культуры. Иной инвентарь обнаружен не был, хотя на нижней челюсти сохранилась окись меди. К сожалению, данное погребение слабо документировано. Обращает на себя внимание тот факт, что кости скелета находились в перепутанном состоянии (Мельниковская 1950: 72).

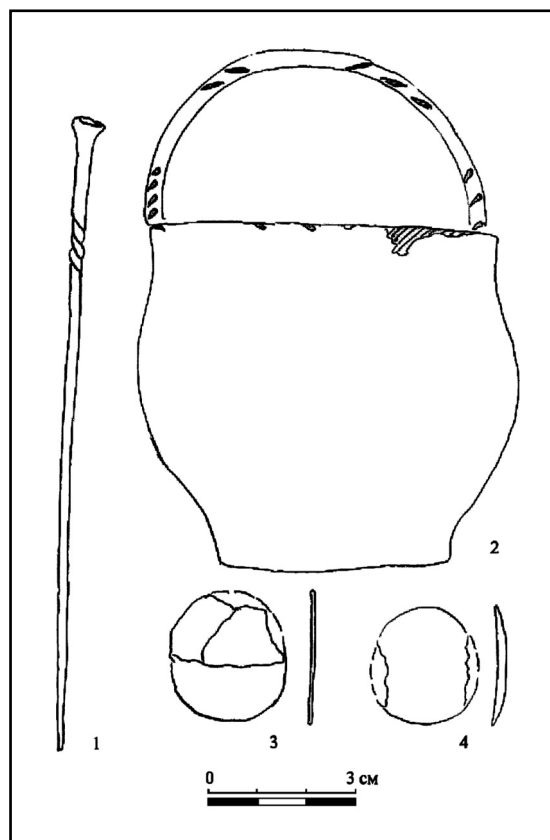

Рис. 6. Инвентарь погребения, исследованного В. Е. Куриленко в 1964 г. на Мезинском городище.

№3. 2010

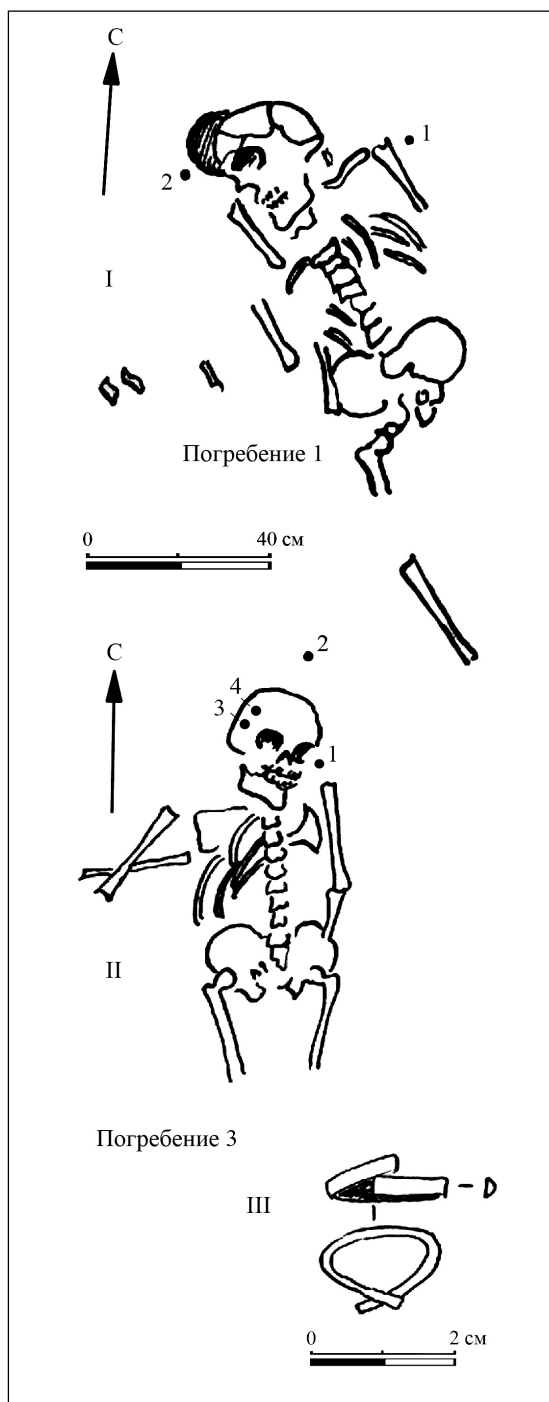
Еще два захоронения, которые достоверно можно отнести к населению юхновской культуры, были обнаружены раскопками 1968 г.

Погребение 1 (рис. 7: 1). Могильная яма не была зафиксирована. Обнаружено на глубине 0,4—0,5 м в нижней части чернозема. захоронение совершено по обряду труположения в вытянутом положении на спине. Руки вытянуты вдоль туловища. Умерший ориентирован головой на ССЗ. Верхняя часть скелета сохранилась в неповрежденном виде, костей одной ноги нет, другая сохранилась частично. Череп лежал в нижней части небольшого лепного горшка, а у левого плеча находилась разбитая створка раковины *Unio*. Похоронен мальчик (Мельниковская 1968: 6—7; 1977: 64).

Погребение 3 (рис. 7: 2). Также обнаружено в нижней части чернозема на глубине 0,35—0,4 м. Пятно могильной ямы прослежено не было. Погребение совершено по обряду труположения в вытянутом положении на спине головой на С. Ноги ниже бедер не сохранились. Внутри черепа найдена бронзовая пластинчатая серьга, согнутая в 1,5 оборота (рис. 7: 3). Рядом с глазницами находилась бронзовая бусина — пронизка, а ниже черепа — фрагмент лепной керамики. Под черепом находился зуб взрослого человека. Похоронен ребенок в возрасте 7—8 лет, возможно, девочка (Мельниковская 1968: 7; 1977: 64).

Таким образом, на могильнике у с. Долинское было исследовано три погребения, которые достоверно можем связывать с населением юхновской культуры. Они отличаются от вышеописанных более «богатым» инвентарем. Однако следует учитывать, что на данном памятнике выявлены и погребения с характерным для более южных культур инвентарем. Возможно, в данном случае следует учитывать определенное влияние южного населения. Отметим, что все три погребенных — дети. В двух могилах установлена северная (и ССЗ) ориентировка покойных. Положение костяка в погребении, расчищенном Ю.С. Виноградским, неизвестно. Интересно, что в двух случаях (а возможно, и во всех трех погребениях) зафиксировано нарушение костяка погребенных.

Городище Полужье. В основании слоя на глубине 1,5—1,55 м обнаружено погребение ребенка с молочным зубом. Могильная яма не прослежена. Костяк ориентирован головой на Ю с небольшим отклонением на В. Выше могилы расчищены кости и череп собаки. Их связь с погребением не исключена (Мельниковская 1969: 21; 1970а: 62).

Рис. 7. Юхновские погребения у с. Долинское. I, 1 — ракушка; I, 2 — горшок; II, 1 — бронзовая пронизка; II, 2 — фрагмент керамики; II, 3 — бронзовая серьга; II, 4 — зуб взрослого человека.

Марицкое городище на Сейме. Во время исследования обнаружено 10 погребений, относящихся к населению юхновской культуры (18 скелетов, 11 из которых принадлежат детям, 3 — женщинам и 4 — мужчинам). Детальное описание могильника сделано автором раскопок А.И. Пузиковой (1981: 33—40, рис. 17). Во избежание повтора остановимся лишь на некоторых моментах.

Так же, как и на Мезинском городище, ориентация покойников разнообразна. Наиболее часто покойных клали головой на СВ, реже зафиксированы иные направления. Лишь в одном случае скелет ориентирован головой на З, однако это парное погребение валетом. Характерной особенностью данного могильника является не только нестабильность ориентировки, но и наличие парных погребений (зачастую покойники положены валетом), захоронения в заброшенной мусорной (хозяйственной?) яме, разнообразные позы костяков. Вполне возможно, однако не факт, что данный могильник возник после какого-то военного столкновения. На это указывают находки у одного из костяков железных наконечников стрел с раздвоенными черешками в виде ласточкиного хвоста. На черепахе одного погребенного следы от удара каким-то предметом, кости еще одного сильно обожжены.

Интересен тот факт, что кости пяти погребенных находились в разной степени перемешанном состоянии. По предположению А. И. Пузиковой, подобная ситуация возникла в результате деятельности грызунов. Однако «в заполненном грунтом пространстве абсолютно невозможно передвинуть даже мельчайший предмет, не освободив его от сцепления с грунтом по всей поверхности. Такое изредка может произойти, но лишь в том случае, когда грызун не может обойти предмет. Крупные же кости и черепа грызуны обходят всегда, тем более они не могут передвинуть кости сложной конфигурации (нижние челюсти, тазовые) и длинные» (Флёров 2007: 32—33). Исходя из сказанного, вероятно и другая причина нарушения костяков.

Как и на других памятниках, в погребениях на Марицком городище инвентарь практически полностью отсутствовал. Так, в трех разных могилах найдены бронзовое колечко с несомкнутыми концами, сильно коррозированное железное кольцо и миниатюрный горшочек. По мнению А. И. Пузиковой, эти вещи могли попасть в могилы вместе с грунтом культурного слоя (Пузикова 1981: 40, рис. 18). Между тем, не следует исключать возможности связи вещей с погребениями. В особенности это касается миниатюрного горшочка. Напомним, что схожие сосудики найдены и в могиле Мезинского городища, исследованной В. Е. Куриленко, и в погребении у с. Долинское, расчищенного Ю. С. Виноградским.

Особый интерес представляет открытие юхновских погребений на городище **Киселевка II** (раскопки автора 2008 г.). Памятник исследовался с 2005 по 2008 гг.

Общая раскопанная площадь составила 240 кв. м. В 2007 г., в пределах канавки от стены постройки,¹ были найдены разрозненные кости ребенка возрастом не более 2-х лет². Сохранились мелкие фрагменты черепа, фрагменты плечевой и локтевой костей, часть бедренной кости и лопатка. Установить положение костяка не удалось. Изначально данное погребение было принято за строительную жертву. Однако последующие исследования показали ошибочность данной точки зрения.

В 2008 г. было расчищено еще три захоронения, на подробном описании которых следует остановиться. Они располагались вдоль центральной части юго-восточного края площадки городища.

Погребение 1. Погребальная яма прямоугольной формы имела размеры 0,7×1,05 м. В юго-западной части могилу прорезала округлая яма размерами 0,6×0,7 м приблизительно. Глубина обеих ям одинакова — 0,19 м от уровня материка. Как в этом, так и в других погребениях выше материка контуры практически не читались. Разновременность ям стратиграфически подтвердить не удалось. Их заполнение однородное и однотонное. В данном случае это предположение основывается в большей мере на интуиции автора и на общем контексте находок.

Остатки черепа и нижней челюсти находились практически в центре ямы. Остальные немногочисленные кости посткраниального скелета располагались юго-западнее черепа и были в перемешанном состоянии. Сохранились кости верхних и нижних конечностей (плечевая — правая и левая). Состояние крайне плохое, впрочем, как и в остальных погребениях. На длинных трубчатых костях разрушены эпифизы, поэтому измерения были невозможны. Лишь на основании состояния зубной системы (на нижней челюсти прорезались постоянные зубы — первый моляр и прорезается второй) удалось установить возраст ребенка в пределах 1,5—2 года. Судя по расположению костей, хотя они были в перемешанном состоянии, погребенный лежал головой на СВ (рис. 8: 1).

Инвентарь крайне беден. Выше (северо-восточнее) черепа находился лепной миниатюрный горшочек (рис. 8: 2).

¹ Точное место находки, к сожалению, не установлено.

² Определения антропологического материала с городища Киселевка II были выполнены н.с. Отдела антропологии НАН Украины к.и.н. Л. В. Литвиновой, за что автор искренне благодарит ее.

№3. 2010

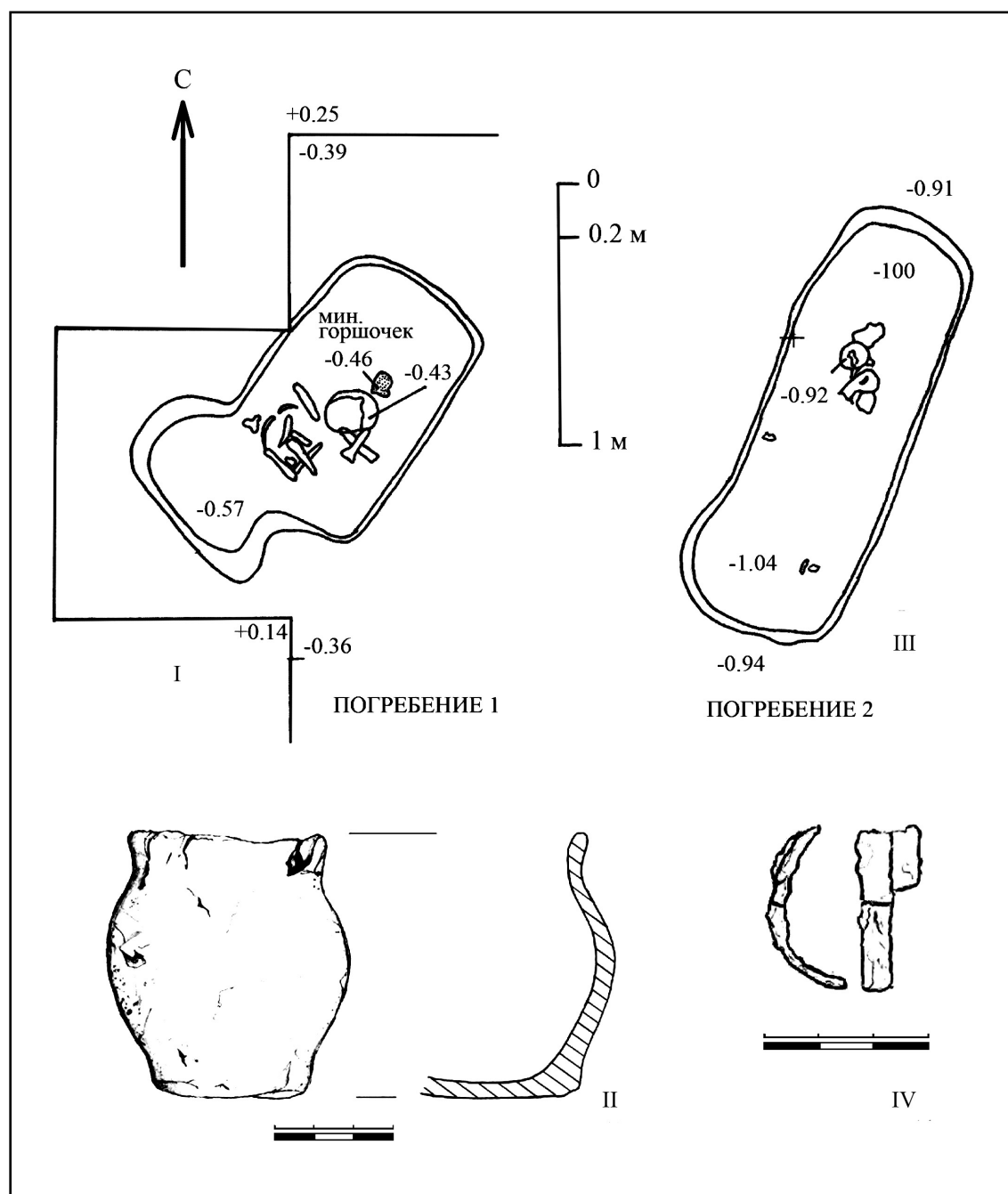

Рис. 8. Погребения и их инвентарь с городища Киселевка II.

Очевидно, что скелет был разрушен в древности. Следы «проникновения», вероятнее всего, является яма в юго-западной части погребения.

Погребение 2 располагалось в 6,4 м на Ю (с небольшим отклонением к В) от первого погребения. Пятно прямоугольной формы с округлыми углами. Заполнение однородное — темная серо-коричневая супесь. Размеры погребальной ямы — 0,6×1,72 м. Глубина от уровня материка — 0,1 м. Так же, как и в погребении 1, все кости находились в перемешанном состоянии (рис. 8: 3). Разрушенные кости черепной коробки (сохра-

нились крупные фрагменты черепа, нижняя челюсть и фрагменты верхней) обнаружены в северо-восточной части ямы. Остальные, очень немногочисленные и мелкие кости посткраниального скелета (обломки верхних и нижних конечностей), находились в заполнении. Также в заполнении найдены неопределенный костяной предмет очень плохой сохранности (к сожалению, рассыпался полностью) и фрагмент железного пластинчатого браслета с заходящими друг за друга в одной плоскости концами (рис. 8: 4).

Пятно могильной ямы не имело следов перекопа, однако большинство костей скелета

Рис. 9. Погребение 3. Городище Киселевка II.

отсутствовало, а остальные, в основном остатки черепа, находились в перемешанном состоянии. Судя по расположению костей черепной коробки, погребенный лежал головой на СВ.

Исходя из состояния зубной системы (все молочные зубы прорезались), а также из размеров длинных костей, возраст ребенка определен как не более 2-х лет. Исходя из этого, удивляют размеры погребальной ямы, а именно длина (1,72 м). Кажется нелогичным совершать погребение ребенка в столь большой яме. Возможно, что часть ямы является следами проникновения в могилу, но так как заполнение однородное, про-

следить это не удалось. Т.е., как и в первом случае, погребение было разрушено, и скорее всего, в древности.

Погребение 3. Яма находилась в 5 м на В от погребения 2. Она прямоугольной формы; ее размеры: 2,2×1,3—1,4 м. Заполнение однородное — серо-коричневая супесь. Глубина ямы от уровня материка — 0,16—0,2 м. Скелет сохранился практически полностью, не хватало лишь черепа. Кости, как и в двух других погребениях, очень плохой сохранности. Погребенный лежал головой на СВ, в вытянутом положении на спине. Кости рук располагались вдоль скелета. Под

№3. 2010

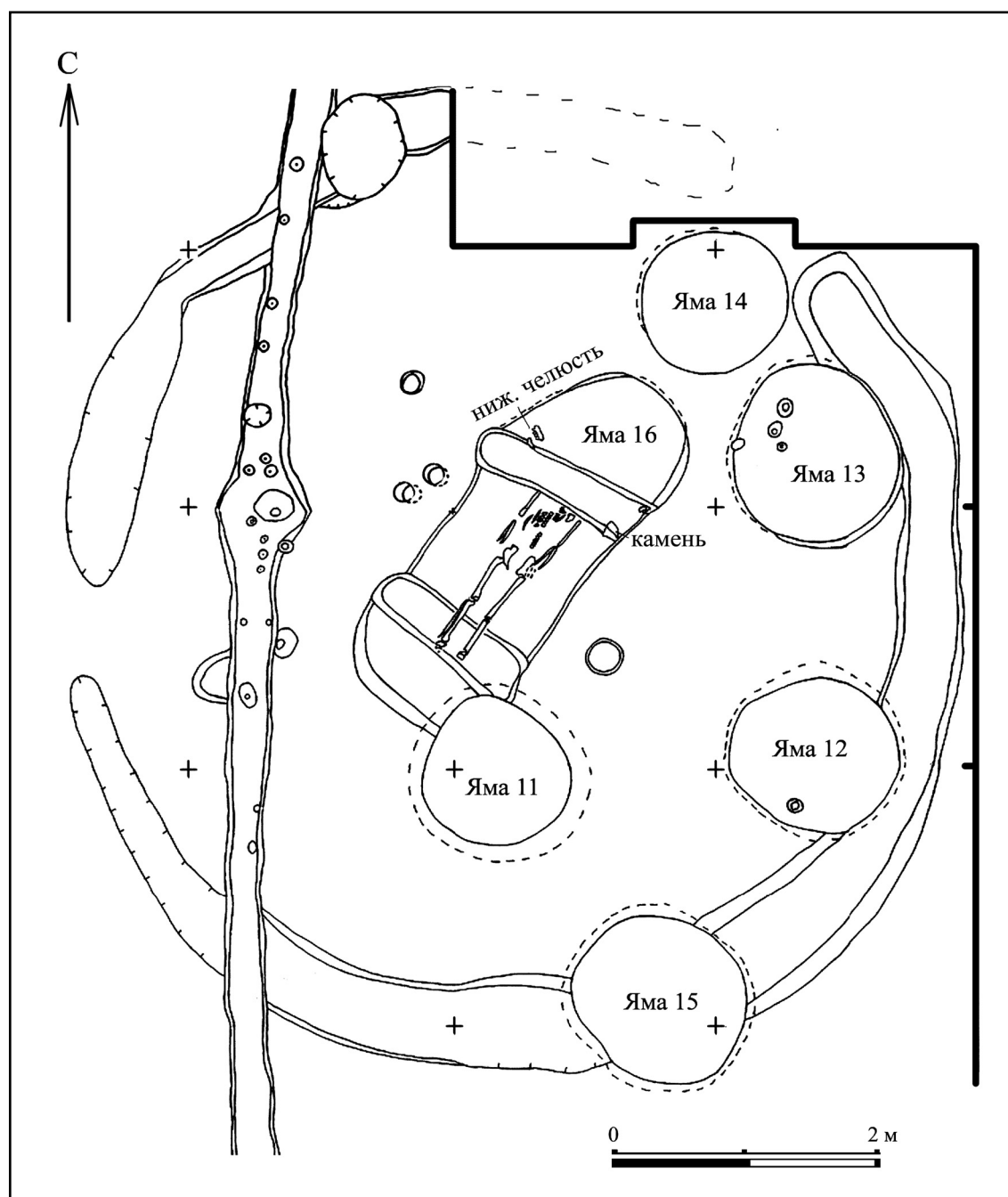

Рис. 10. Курганный ровик и погребение 3.

шейными и берцовыми костями скелета прослежены неглубокие (0,1—0,15 м) канавки размерами 0,2×1,3 м (рис. 9). Вероятнее всего, покойника положили на какой-то помост из досок. Он был скреплен двумя плахами, следы от которых и удалось зафиксировать.

Наиболее интересным оказался сам погребальный комплекс. Погребение 3 было совершено под курганной насыпью (рис. 10). Ее остатки и структуру не удалось проследить. К моменту исследований насыпь была сnivelирована в результате раскопки. О ее наличии свидетельствует курганный ровик диаметром 6,6—7,3 м. Глубина незначитель-

ная — до 0,26 м. В западной части ровик имеет наименьшую глубину, и его стенки плавно сужаются ко дну. В южной и восточной части ров в разрезе имеет форму трапеции. Его стенки более четкие. В западном и северо-восточном участках рва удалось зафиксировать перемычки шириною около 0,7 м. Возможно, еще одна перемычка располагалась в южной части рва. На материке она не фиксировалась, однако, судя по пятнам, ее наличие вполне вероятно.

Очень четко удалось зафиксировать, что с восточной стороны курганный ровик был прорезан четырьмя ямами (рис. 10). Это отчетливо видно не только в плане, но и

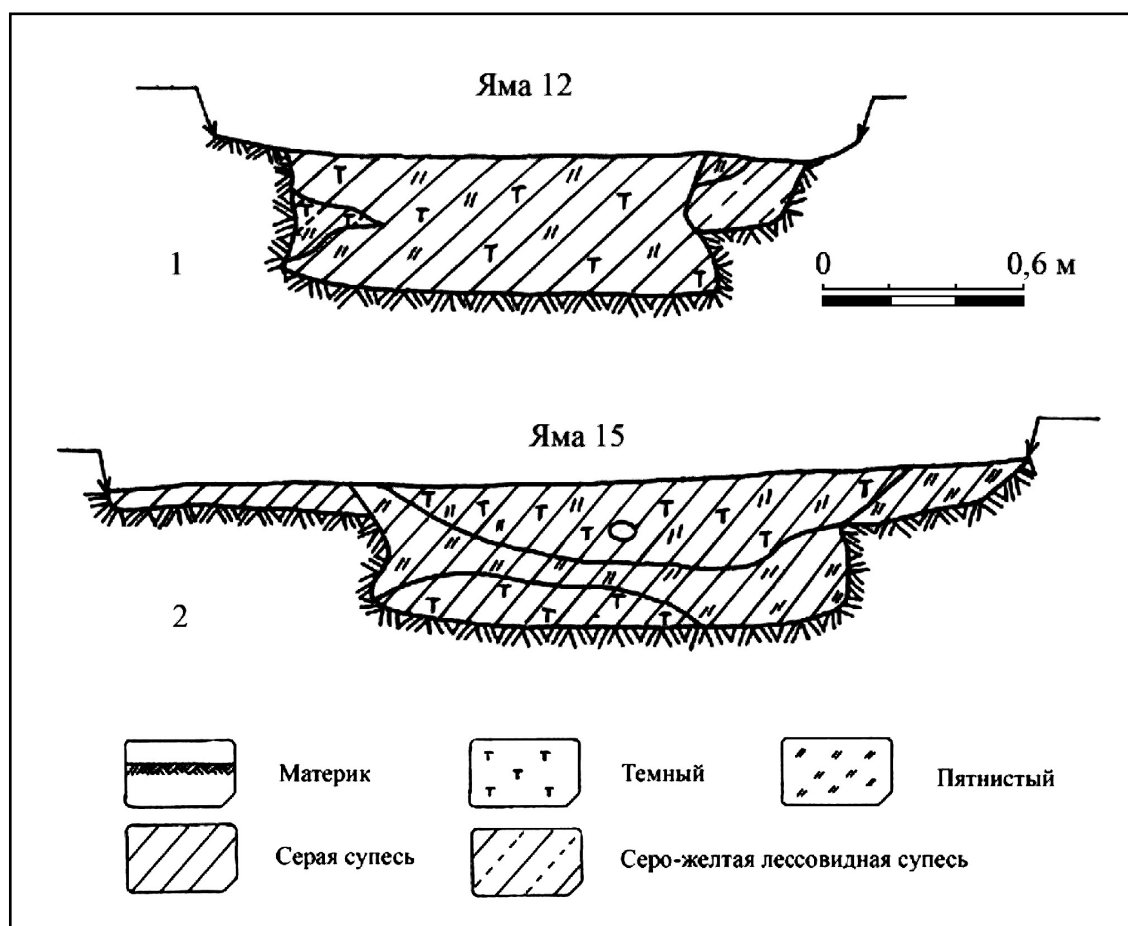

Рис. 11. Стратиграфические разрезы ям, прорезавших курганный ровик.

благодаря стратиграфическим разрезам (рис. 11). Подробнее остановимся на описании данных ям.

Яма 12³. Округлая в плане. Диаметр по верху — 1,2—1,3 м. Глубина от уровня материка — 0,5 м. Стенки несколько расширяются ко дну. Диаметр последнего — 1,3—1,4 м. На дне зафиксирована небольшая ямочка. Заполнение однородное — темно-серая пятнистая супесь (рис. 11: 1). Возле стенок видны следы замывов более светлых оттенков супеси. В заполнении найдены несколько выразительных венчиков сосудов (рис. 12: 6—7), развалы трех доньшек юхновских горшков (рис. 13: 1—3), а также мелкие фрагменты юхновской керамики. Основная концентрация керамики приходится на глубину 0,1—0,37 м, и лишь один фрагмент горшка находился непосредственно на дне ямы. В развалах фиксировались небольшие фрагменты мела. На глубине 0,35 м от уровня материка был найден миниатюрный горшочек (рис. 14: 1). В южной части ямы край стенки

на уровне дна был обложен обломками глиняных грузил, типичными для культурного слоя городища.

Яма 13. Диаметр ямы — 1,3—1,4 м. Глубина от уровня материка — 0,22 м. Яма имеет небольшой подбой с севера и запада. Диаметр дна равен диаметру по верху. Заполнение однородное. В яме расчищены развал горшка (целая форма), большой фрагмент доньшка сосуда (рис. 12: 4; 13: 5), а также найдены небольшие обломки юхновских горшков. Среди других находок — многочисленные фрагменты и целые формы глиняных хлебцев (рис. 14: 2—5), а также целое глиняное грузило. Вполне возможно, что оно попало в яму из культурного слоя. Кроме того, в ямах 13 и 14 найдено большое количество фрагментов глиняных грузил с очень плохим обжигом.

На дне ямы расчищено несколько мелких столбовых ямочек.

Яма 14. Находилась возле северо-восточной перемычки ровика. Яма округлой формы диаметром 1,1—1,6 м. Глубина от уровня материка — 0,18 м. Стенки почти отвесные, и лишь в северо-западной части яма имеет незначительный подбой. Заполнение од-

³ Нумерация ям дана согласно полевой документации.

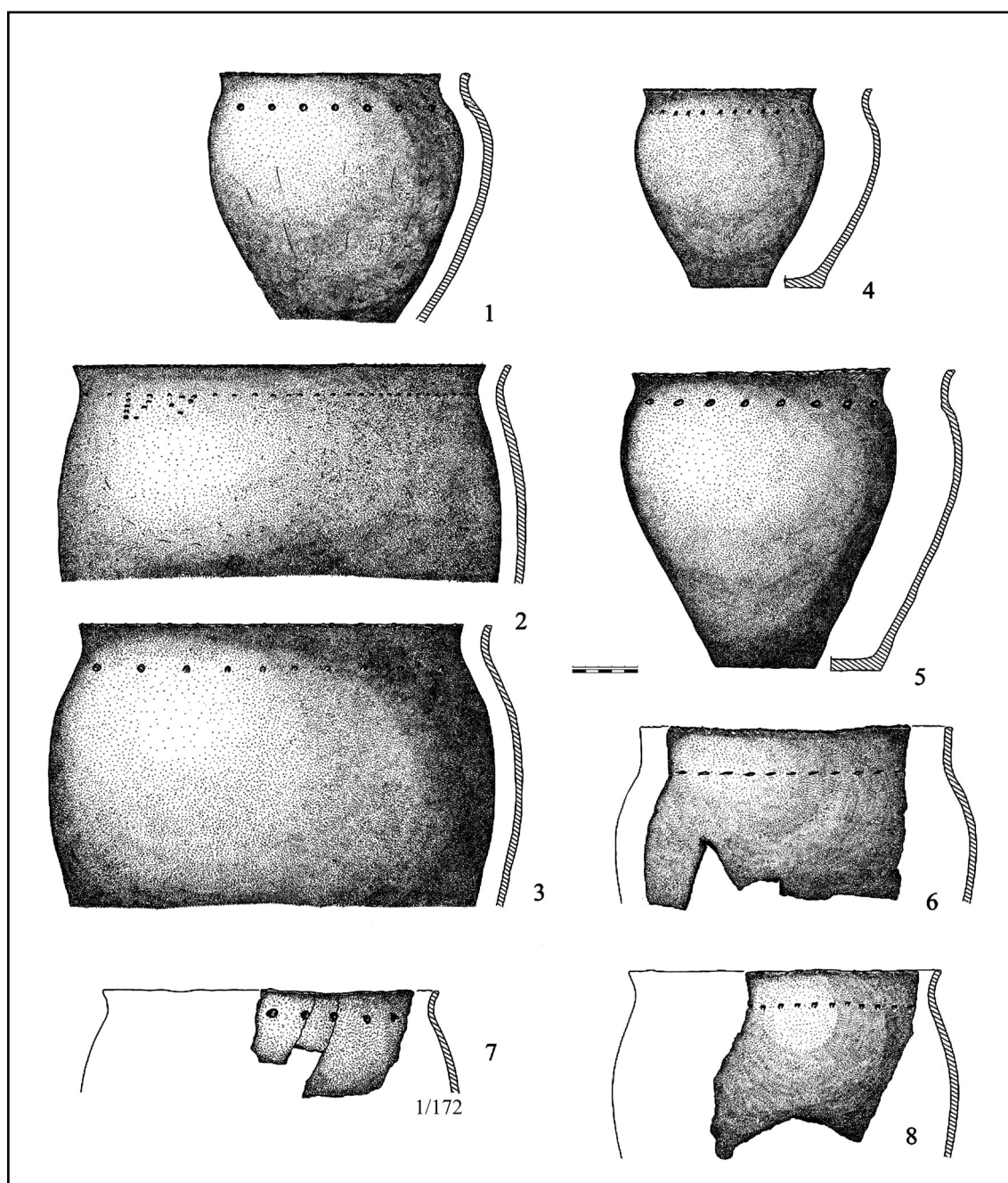

Рис. 12. Керамический комплекс юхновского подкурганного комплекса.

народное — темно-серая пятнистая супесь. Среди находок — одно целое глиняное грузило и 9 мелких фрагментов глиняных хлебцов. В яме найден лишь один развал доньшка (рис. 14: 4) и несколько невыразительных фрагментов юхновской керамики.

Яма 15. Яма прорезала ровик в его ЮЮВ части. Она имела округлую форму диаметром 1,2—1,3 м. Стенки расширяются ко дну, диаметр которого — 1,4—1,5 м. Глубина от уровня материка — 0,44 м. Заполнение представляло собою серую супесь различных оттенков (рис. 11: 2). На глубине 0,4 м от уровня материка расчищен развал юхновского

горшка (рис. 12: 5), который впоследствии склеился полностью. Горшок слабопрофилированный. Его высота — 24,2 см, диаметр венчика — 21 см, дна — 8 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть (22,3 см). Толщина стенок — 5—6 мм, дна — 1 см. Орнамент в виде округлых вдавлений нанесен на плечики. Край венчика украшен продолговатыми вдавлениями. Остальная керамика немногочисленна. Среди прочих находок лишь два целых глиняных грузила, одно из которых имеет небрежные вдавления. Также не исключаем возможность попадания данных изделий в яму из культурного слоя.

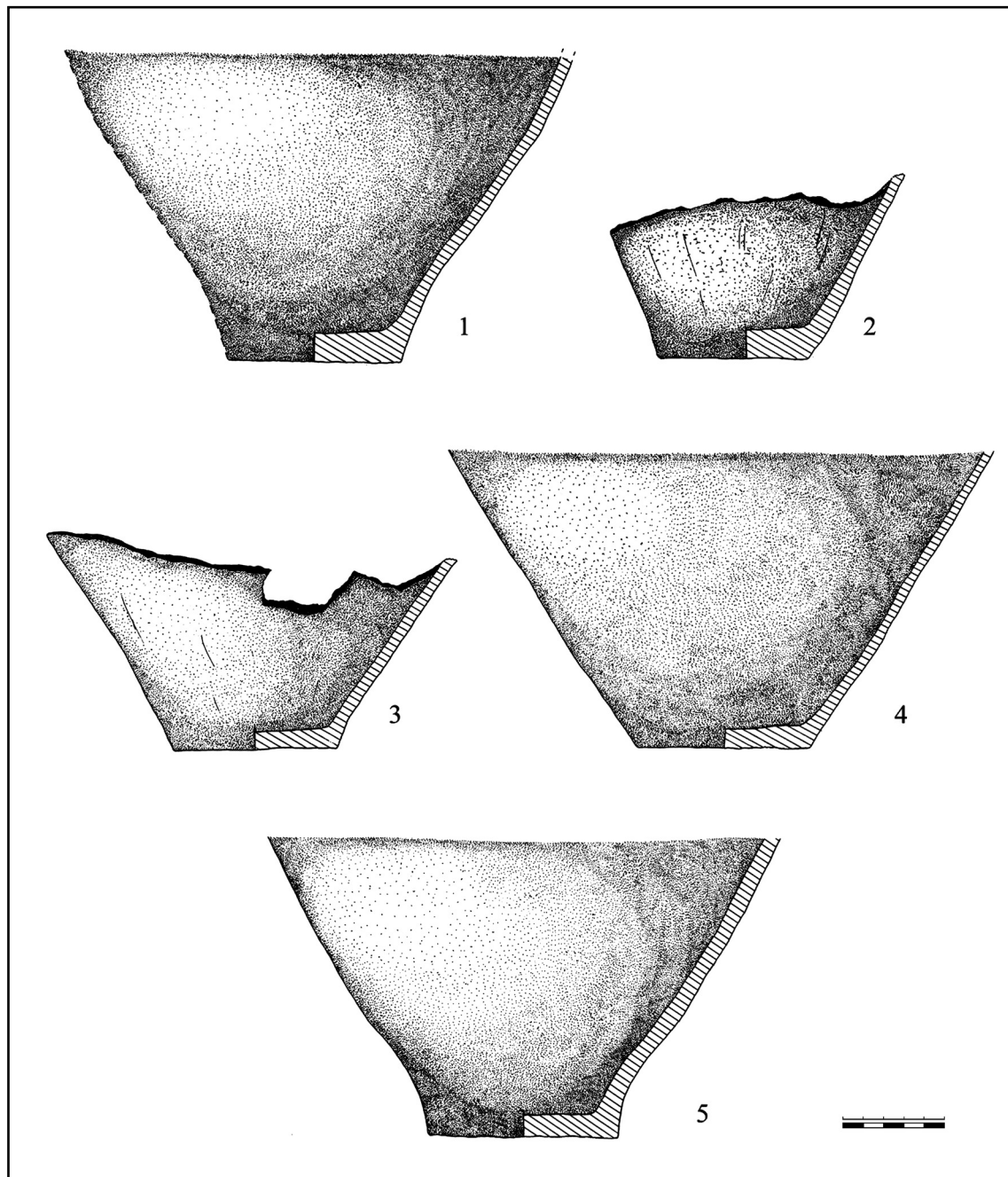

Рис. 13. Фрагменты донышек.

Еще две ямы прорезали погребальную яму в ее южном углу и в районе головы.

Яма 11 (южный угол погребения) имела округлую форму диаметром 1,1—1,15 м. Глубина от уровня материка — 0,4 м. Стенки незначительно расширились ко дну. Диаметр дна — 1,4 м. Заполнение однородное.

В верхней части заполнения был найден череп, над которым было положено несколько глиняных хлебцев (рис. 14: 6—8). Над черепом и возле него, на глубине 0,23 м от уровня материка, расчищены развалы юхновских горшков (рис. 12: 1—3). Их формы, размеры и орнаментация ничем не отличаются от по-

суды, известной как в слое Киселёвского городища (рис. 12: 8), так и на ряде других памятников юхновской культуры. То же можно сказать и относительно керамики, найденной в ямах, прорезавших ров. Также в яме 11 было найдено несколько мелких и невыразительных обломков горшков юхновской культуры.

В северо-восточной части погребения также зафиксирована яма, которая его прорезала. Приблизительный диаметр ямы — 1—1,2 м. Стенки неровные. Заполнение однородное (такое же, как и в погребении 3). Яма 16 была неглубокой — 0,19 м, т.е. ее глубина была аналогичной глубине погребения 3.

№3. 2010

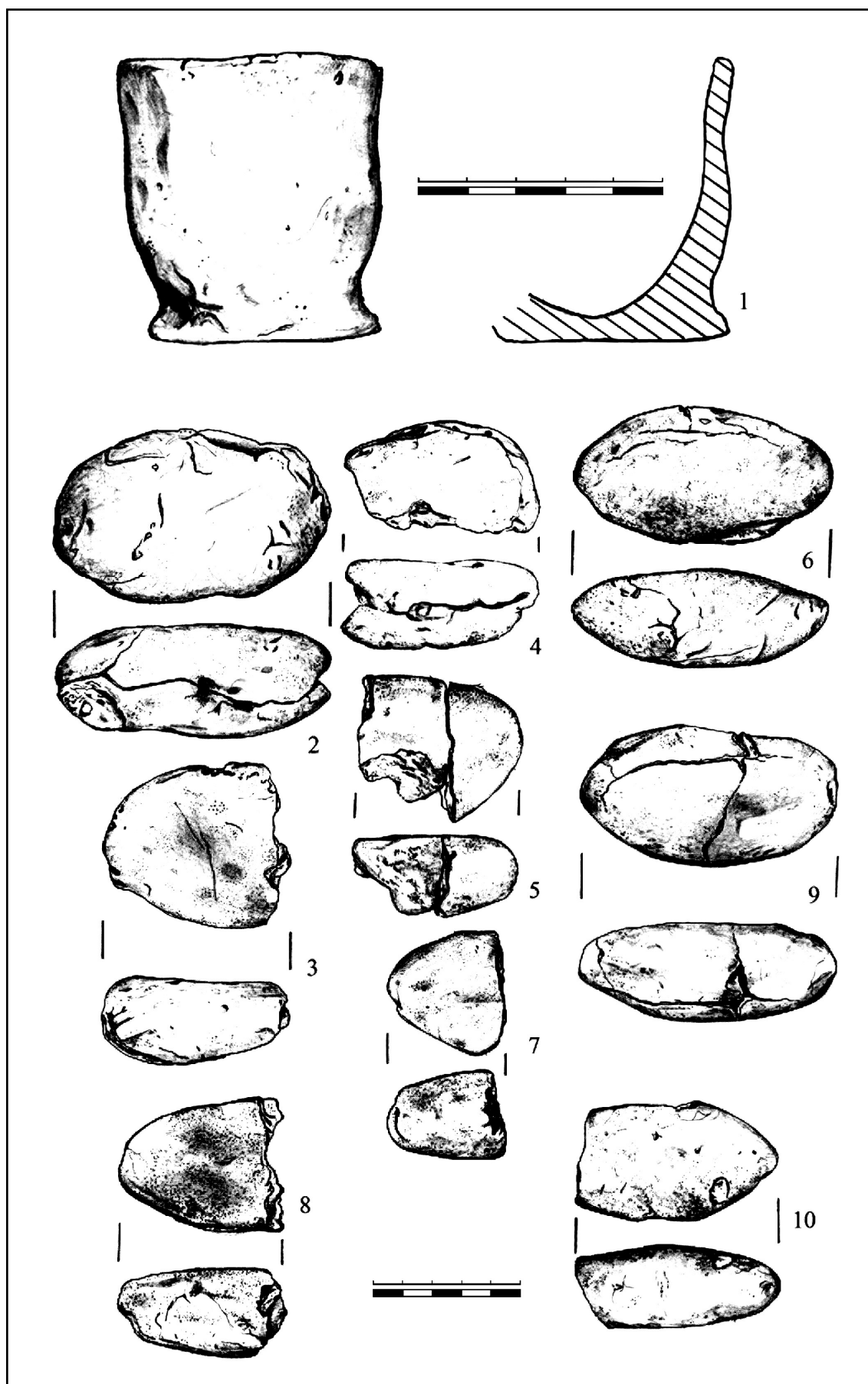

Рис. 14. Миниатюрный горшочек и глиняные ритуальные хлебцы.

Стенки неровные. В ее пределах найдены фрагменты челюсти и небольшой необработанный камень, несколько фрагментов южновосточной керамики, глиняный хлебец и грузило (рис. 14: 9).

Таким образом, в отличие от двух предыдущих захоронений, скелет в могиле 3 сохранился более полно, что позволяет дать его более подробную антропологическую характеристику. К сожалению, из-за плохого состояния кости определения не настолько полны, как того хотелось бы.

Сохранились незначительные фрагменты черепа (лобная кость, правая височная кость, основание черепа, нижняя челюсть без правой ветви), мелкие фрагменты костей верхних и нижних конечностей (правая и левая стороны), кости стопы.

Судя по фрагментам, череп среднемаассивный: надбровные дуги более 1 балла, носовидный отросток — 1 балл, стенки черепа массивные, венечный шов не облитерирован, края черепного шва острые, края глазниц закруглены. Нижняя челюсть небольших размеров, угол ветви нижней челюсти приближается к прямому. Средне развит подбородочный выступ, стертость зубов минимальная — 1—2 балла. На третьем нижнем моляре отсутствуют следы стертости.

На длинных трубчатых костях поверхность диафиза сильно повреждена, эпифизы разрушены, поэтому измерения невозможны. Длинные трубчатые кости среднемаассивные, мышечный рельеф развит довольно хорошо.

На лобной кости обнаружены следы травмы. На внутренней поверхности лобной кости (слева в области лобного бугра) прослеживается отслоение костной ткани, а на внешней поверхности лобной кости в этой же области видны небольшие микротрещины, вероятнее всего, они образовались вследствие удара.

Скелет принадлежал мужчине (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст — в интервале 25—30 лет.

Возвращаясь к описанию погребально-го комплекса № 3, следует более подробно остановиться на стратиграфической ситуации. Последовательность сооружения ям в пределах кургана, вероятно, была следующая. Изначально была выкопана яма 11, которая лишь незначительно затронула могилу. Обезвредить покойника, разрушив скелет, удалось при помощи ямы 16, при этом череп был выброшен в первую яму (№ 11). К этому времени яма уже заплывала землей. Напомним, что черепная коробка находилась в заполнении. В качестве заупокойных даров, над и возле черепа, были положены разбитые горшки и ри-

туальные глиняные хлебцы. Факт отделения головы от туловища не новый — вспомним погребение 1/1967 г. с Мезинского городища. Особый интерес представляет наблюдение В. С. Флёрова относительно того, что «основным действием в отношении черепов было не само по себе их перемещение, а отделение от черепной коробки нижней челюсти», чему не противоречат данные этнографии (Флёров 2007: 127). Именно такую ситуацию удалось четко проследить в двух погребениях с Мезинского и Киселевского городищ.

Отметим любопытный факт: лишь в одной из ям в пределах кургана был найден развал целого горшка⁴. В остальных случаях, несмотря на тщательность исследования, не удалось обнаружить какой-то, порой значительной, части горшка. Интересно, но данная ситуация характерна также для ряда хозяйственных ям, и не только на городище Киселевка II. Следующим этапом (не хронологическим, а обрядовым) стало сооружение ям по восточному краю рва. В них также видим следы поминального обряда, в виде тех же разбитых горшков и глиняных хлебцев. Не исключено, что миниатюрный горшочек из ямы 12 находился у головы погребенного, как и в погребении 1, и лишь при проведении поминального обряда оказался в яме, однако доказать это не представляется возможным. Заупокойные дары были положены в ямы не сразу. Практически весь материал находился в нижней части заполнения, а не на материке. Вероятнее всего, приношения покойному не случайно находились в ямах. Безусловно, они являются ритуальными, а их цель — передача вещей в нижний мир, страну мертвых. Определенным образом это находит отражение и в данных этнографии (Косарев 2008: 6).

Таким образом, исследованный объект представляет собою сложный погребальный комплекс. Подводя краткий итог, остановимся и на стратиграфии самого городища Киселевка II. Выявленные исследованиями 2005—2008 гг. объекты были разновременными. Изначально на городище стоял длинный дом, одну из стен которого удалось четко проследить. Затем на этом месте (юго-западная часть) сооружается курган. В свою очередь, курганный ровик прорезает канавку от стены дома. Вероятно, со времени прекращения жизни на городище до совершения погребений (все три исследованных погребения являются синхронными) прошел короткий отрезок времени, не более 20—25 лет.

⁴ Не хватало лишь двух очень маленьких фрагментов.

№3. 2010

Кости из разрушенных погребений были найдены в заполнении хозяйственной ямы 7 и культурном слое. Среди находок — мелкие обломки черепа со следами сожжения (возможно, принадлежал взрослому) и отдельные кости, принадлежавшие взрослому и возмужало-зрелому (*adultus-maturus*) индивидам, а также кости ребенка 6—12 месяцев. Таким образом, остатки разрушенного дома ко времени совершения погребений были еще четко видны на поверхности. Разрушение погребений также произошло через непродолжительное время.

Подобный постпогребальный обряд⁵, обряд обезвреживания покойника, на памятниках юхновской культуры четко (подчеркнуто мною — Д.К.) зафиксирован впервые. Есть все основания надеяться, что вдоль края площадки городища в результате последующих раскопок будут обнаружены подобные погребения. Также предполагаем, что погребения 1 и 2 были подкурганными, однако зафиксировать неглубокие ровики не удалось. О наличии насыпи косвенно свидетельствует значительное расстояние между могилами. Кроме того, на краю мыса городища Киселевка II расположены два (три?) кургана. В связи с открытиями 2008 г. встает вопрос об их культурной принадлежности. Если ранее считали, что они оставлены населением роменской культуры, то сейчас вполне вероятно связывать их с юхновской АК. К сожалению, центральная часть наибольшего кургана варварски уничтожена современными кладоискателями.

Таким образом, все перечисленные захоронения на шести вышеназванных памятниках можем соотносить с населением юхновской культуры. Однако использовать их для характеристики погребального обряда следует крайне осторожно. Прежде всего это связано с тем, что все погребения совершены на площади городища, а не в специально отведенном для этого месте (говоря современным языком, на кладбище). Если не брать во внимание Кудлаевское городище, то все захоронения были совершены после того, как поселение опустело. Возникает закономерный вопрос: а где же хоронили покойников, когда население проживало на городище? Вместе с тем, данные погребения имеют много общего, в результате чего мы вправе сделать осторожные выводы относительно погребальной обряд-

ности юхновского населения или же выделить какие-либо особенные черты.

Прежде всего, бросается в глаза то, что на площадках городищ похоронены исключительно женщины, дети и люди пожилого возраста. Практически полностью отсутствуют погребения мужчин в возрасте 20—40 лет. Исключение составляет погребение № 3 Киселевского городища, однако и здесь пол определен с некоторой долей вероятности. Возможно, это связано с тем, что взрослые (зрелые) мужчины были более ценными членами общества, нежели старики, дети, не прошедшие инициации, и женщины. Соответственно, их захоронения совершались без отступлений от традиционного обряда. Данный вывод не может считаться окончательным, так как антропологические определения не всегда сделаны специалистами. Как видим, находок погребений не так уж много. Кроме того, мы так и не смогли ответить на поставленный выше вопрос. Однако сбрасывать со счетов подобное предположение на сегодняшний день не стоит.

На нетрадиционность подобных погребений, а именно труположений, указывает отсутствие стабильной ориентировки. Как правило, покойника клали головой на С или Ю с незначительным (или значительным, как в случае на городище Киселевка II) отклонением к В. Известна и восточная ориентировка. Общим же является то, что покойных не клали головой на З (СЗ и ЮЗ). Западная ориентировка встречена лишь в погребениях на Марицком городище, только в парных погребениях, когда умерших клали «валетом». Однако данный могильник, в отличие от остальных, скорее всего, возник в результате военного столкновения, и погребения совершались на скорую руку (не факт, что именно населением юхновской культуры).

Именно стабильная ориентировка покойных является одним из этноопределяющих признаков населения большинства археологических культур, наиважнейшей составной ингумации. Сейчас, а впрочем, как и в ближайшем будущем, мы не сможем установить причины определенной ориентировки погребенных на юхновских городищах. Однако следует учитывать и данные этнографии. Так, у многих (если не у всех) древних народов существовало представление о пространстве и о «хорошей» и «плохой» сторонах (Косарев 2008а: 350—351). Вполне вероятно, что подобные верования присутствовали и у населения юхновской культуры, иначе сложно объяснить, почему не хоронили головой в западном направлении. Вместе

⁵ Этот термин, введенный В.С. Флеровым (2007: 121), по мнению автора данной работы, наиболее подходит для подобной ситуации.

с тем следует помнить, что погребальная практика допускала заметные отклонения, связанные с той или иной ситуацией (Флёров, 2007: 92).

Еще одним общим признаком в погребальной обрядности захоронений на данных шести городищах является практически полное отсутствие в могилах инвентаря. Как правило, погребения безынвентарные. Реже клали фрагмент сосуда, разбитый горшок, без какой-либо значительной части, или же фрагмент по известному принципу «часть вместо целого». Последний принцип мог трактоваться и по-другому. Известен обычай умышленной порчи погребального имущества как способ освобождения души для отправления в мир мертвых. То, что являлось частью в мире живых, может стать целым в мире мертвых (Косарев 2008а: 125, 177). В связи с этим вспомним погребение на Кудлаевском городище, где зафиксирована умышленная порча вещей. Также отметим находки фрагментов горшков в Мезинском, Долинском и Киселевском могильниках. В последнем найдены поломанные (?) глиняные хлебцы и обломки грузил на дне одной из ям. Подобные вещи, безусловно, являлись даром покойному и сопровождали его в мир мертвых.

Наиболее интересной особенностью данного погребального обряда (имеется в виду ингумация на площади городища) является обряд обезвреживания покойников, разрушение скелетов. Достоверно он был впервые зафиксирован на городище Киселевка II. Однако при детальном рассмотрении материалов могильников юхновской культуры, раскопанных прежде, данное «открытие» не является новым. Обратимся к фактам. Прежде всего, это отсутствие черепа в одном из погребений Мезинского городища. Еще в двух могилах некоторые кости скелета были в потревоженном состоянии. Достоверно говорить о разрушении костяков на Долинском могильнике мы не вправе, однако, судя по приведенным выше описаниям, это вполне вероятно. Перемешанными оказались кости от пяти индивидов из погребений на Марицком городище, о чем речь шла выше.

Еще раз отметим, что нарушение костяков не следует связывать с ограблением могил. Подобные постпогребальные обряды не являются чем-то новым. Они известны на различных территориях, в разное время и у многих народов (Флёров 2007: 170—192). На основе имеющихся материалов, с определенной долей вероятности, можем говорить о вторичном проникновении с целью обезвредить покойника. Он мог представлять опасность для мира

живых, ибо был погребен без соблюдения традиций или с их частичным соблюдением. Сама же причина появления таких погребений остается открытым вопросом. Объяснить это лишь тем, что могилы устраивались на скорую руку после военных конфликтов с инородным населением, вряд ли возможно. Такая схема, с учетом раскопок на Киселевском городище, выглядит слишком упрощенно.

На нетрадиционность ингумации в ямах или под курганными насыпями для юхновского населения могут указывать отдельные следы кремации. На них также остановимся подробнее.

Поиски могильника, как правило, велись за пределами вала городища, т.е. с напольной стороны. Так, возле Кудлаевского городища была исследована значительная (2632 кв. м) площадь именно с этой целью. Согласно О.Н. Мельниковской, следов могильника выявить не удалось (Мельниковская 1970а: 50). Однако в этой же работе и в отчете исследовательница отмечает наличие нечетких остатков кремации в неглубоких ямках в сопровождении фрагментов керамики (Мельниковская 1965: 14—15; 1970а: 50). Исследовательница относит их к древностям конца I н.э. или к периоду Киевской Руси (Мельниковская 1965: 6, 15). Не увенчались успехом и поиски могильника за валами Шабалиновского городища (Мельниковская 1965: 5).

Напротив левобережного Авдеевского поселения (городища) юхновской культуры на р. Сейм были обнаружены отдельные кальцинированные косточки и фрагменты юхновской керамики (Мельниковская 1972: 88). Исходя из этой краткой заметки в «АО», было бы заманчиво связывать погребения с юхновским населением. Однако как А.Е. Алихова, так и О.Н. Мельниковская, проводившие здесь работы, были склонны соотносить их с более поздним временем (Алихова 1949; Мельниковская 1971: 6—7). На сегодняшний день данные погребения рассматриваются в контексте изучения колочинских древностей (Шпилев 2009: 189).

В контексте вышеописанных погребений на Киселевском городище любопытно отметить находки кальцинированных костей за его валами (Мельниковская 1965: 1).

Учитывая, что остатки кремации достаточно нечеткие и связь их с населением юхновской культуры может лишь предполагаться, особый интерес представляет комплекс, исследованный А.В. Григорьевым в 70 м от вала Горбовского городища на Средней Десне (Григорьев 1981; 1983). На его описа-

№3. 2010

нии следует остановиться более подробно⁶. В 1981—82 гг. было исследовано углубление, условно названное ямой. Ее размеры по линии СЗ — ЮВ достигали 7,3 м. Глубина колебалась, в зависимости от уровня материка, от 0,2 до 0,4 м. Заполнение однородное. К сожалению, часть комплекса повреждена более поздней постройкой (рис. 15). Внутри ямы и по краям были прослежены столбовые ямки, однако все они, кроме одной, относились к более позднему времени. К описываемому комплексу относится ямка в центральной части объекта. Она имела округлую форму диаметром 0,4 м при глубине 0,1 м. Ее заполнение золистое, а на дне обнаружены скопление керамики и угли.

На площади ямы, в ее заполнении, рассчитано 9 скоплений керамики, угля и кальцинированных косточек. Их описание, согласно отчету автора исследований, приводим ниже.

Скопление 1. Представляло собой небольшую округлую кучку фрагментов керамики (но не развал), перемешанных с углем и очень мелкими кальцинированными косточками. Размеры скопления 0,4×0,45 м, максимальная мощность — 0,14 м.

Скопление 2. Состояло из семи крупных фрагментов керамики, лежавших плотной кучкой (размеры 0,25×0,3 м). Тут же найдены несколько угольков и 5 мелких кальцинированных косточек.

Скопление 3. На площади 0,3×0,3 м найдено несколько крупных стенок сосуда, угли и 2—3 кальцинированные косточки.

Скопление 4. По форме и содержанию напоминало предыдущее, но керамика представлена более мелкими фрагментами, хотя и в большем количестве.

Скопление 5. Отличалось от описанных выше тем, что находилось в небольшой ямке 0,7×0,25—0,35 м, глубиной 0,02—0,04 м. Выше границ ямки расчищена кучка керамики. В самой же ямке, в ее восточной части и в 3-х см над уровнем дна, лежала половинка небольшого сосуда, внутри которого находилось 7—10 кальцинированных косточек. Внутри сосуда и около него встречены угольки, которых в основной части скопления не было. В западной части ямки, а также над дном, найден фрагмент глиняного грузила.

Скопление 6. Не отличалось от первых четырех, за исключением более крупных фрагментов керамики, возможно, от одного сосуда.

В северо-западной части объект прослежен лишь как пятно культурного слоя, неуглубленного в материк и отличавшегося по цвету и структуре. Не исключено, что его границы были шире, однако комплекс сильно поврежден распашкой. В этой части исследовано 3 скопления.

Скопление 7. Находилось в верхней части слоя и было сильно повреждено распашкой.

Скопление 8. Состояло из крупных фрагментов одного или двух юхновских горшков и глиняного пряслица. Развал был вытянут более чем на 1 м по линии З-В. Керамика находилась не на материке, а на несколько сантиметров выше. Ни угля, ни костей не зафиксировано.

Скопление 9. Фрагменты керамики встречались по всей толщине слоя и были вытянуты узкой полоской по линии ЮВ-СЗ. В юго-восточной части найдены также мелкие угольки и небольшое количество кальцинированных костей.

Таким образом, сооружение представляло собою округлую яму со столбом в центре. По ее периметру располагались скопления керамики, угля и кальцинированных костей. Вполне вероятно и иная форма объекта, однако зафиксировать ее на уровне материка не удалось. Интересно отметить, что практически во всех случаях фрагменты керамики относятся к одному или двум сосудам и никогда не составляют развалов. Была положена лишь часть горшка. Эта черта прослежена и в погребениях, совершенных по обряду ингумации. Трудно не согласиться с точкой зрения А.В. Григорьева, который видит в данном комплексе могильник, культовый комплекс юхновской культуры (Григорьев 1981: 62). Важность данного объекта еще и в том, что это первый могильник юхновской культуры, совершенный по обряду кремации и вынесенный за пределы самого городища.

Отсутствие подобных могильников за валами других городищ и в их округе вполне объяснимо. Во-первых, целенаправленные работы в этом направлении практически отсутствуют. Во-вторых, методика исследований округи городища большими площадями при помощи техники абсолютно не пригодна для поисков могильников. В-третьих, окружающая территория, впрочем, как и сама площадка городища, долгое время распаивалась. Если предположить, что захоронения по обряду кремации совершались на небольшой глубине, то на сегодняшний день практически все подобные могильники должны быть уничтожены. Погребения же у Горкинского городища сохранились, так как были совершены

⁶ Материал используется с разрешения автора раскопок. Приношу искреннюю благодарность А. В. Григорьеву.

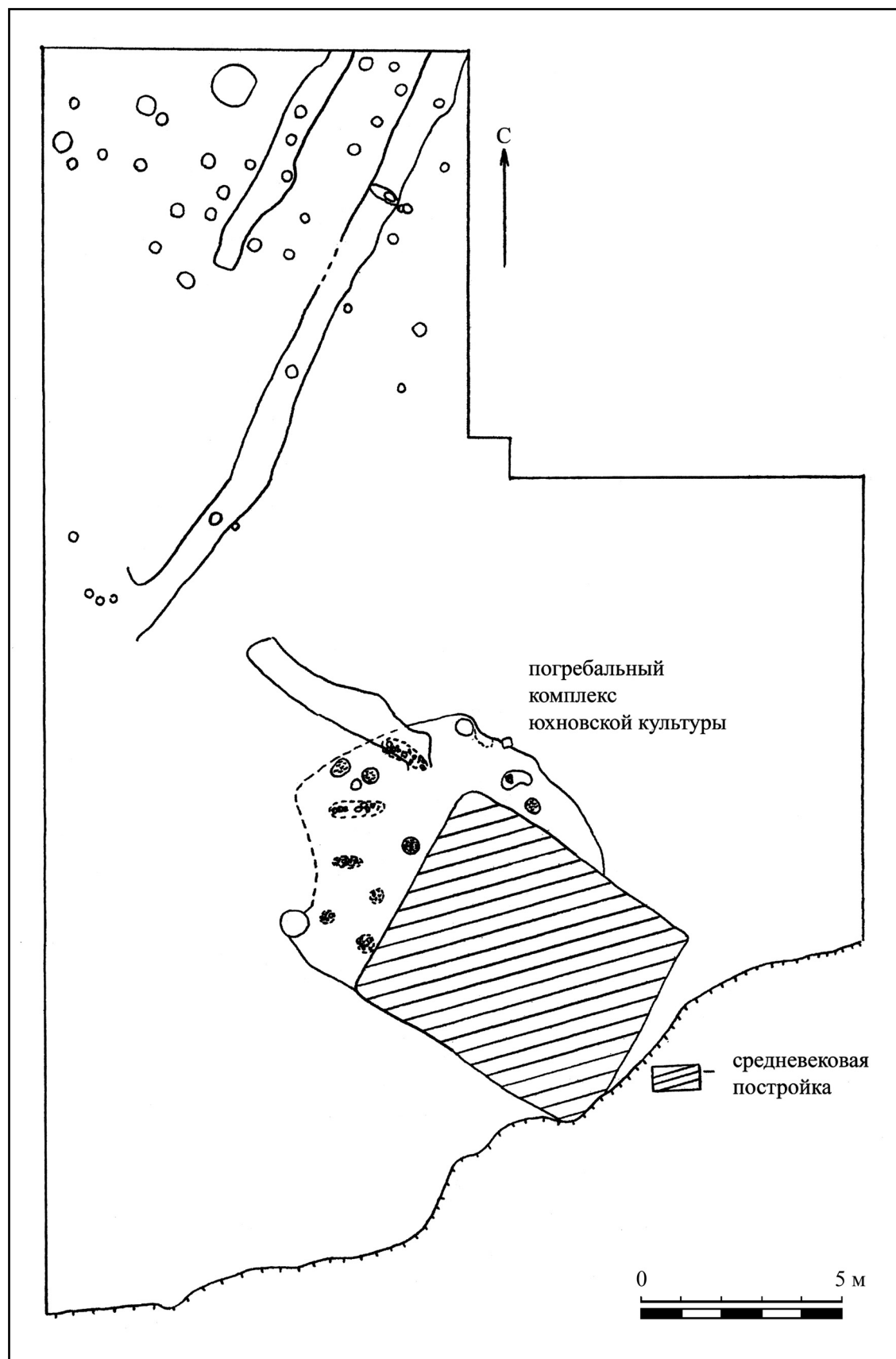

Рис. 15. Погребальный комплекс у с. Горбово и Горки (по А. В. Григорьеву).

№3. 2010

в пределах какого-то углубления (объекта). Те же из них, что находились выше в слое, сильно повреждены распашкой.

На сегодняшний день юхновская культура ставится в один генетический ряд с бондарихинской. Эта точка зрения нашла поддержку в работах многих исследователей (Ильинская 1957: 22, 23; 1961: 44, 45; Ковальова 1976: 22; 1979: 88; Буйнов 2006: 47, 48). В связи с этим обратимся к погребальному обряду бондарихинского населения, ибо, как известно, именно этот обряд слабо подвержен изменениям. Данные традиции, и прежде всего верования в загробный мир, передавались из поколения в поколение.

На могильнике бондарихинской культуры между сел Тимченки и Миргороды (Змеевский район Харьковской области) исследовано 8 небольших ямок (0,5—0,6 от уровня дневной поверхности, диаметром 0,3—0,7 м), в которых выявлены остатки кальцинированных косточек, перекрытых обломками посуды. Именно такой обряд погребения характерен для населения бондарихинской культуры по всему ее ареалу и на протяжении всего времени ее существования (Буйнов 1977: 211, 215). Как видим, бондарихинские могильники, а вернее, обряд погребения, достаточно близок могильнику у с. Горбово. Вышесказанное позволяет нам предполагать, что у населения юхновской культуры основным обрядом погребения была кремация, а погребения совершались в неглубоких ямах за пределами площадки городища.

Таким образом, на сегодняшний день имеем свидетельство захоронений юхновского населения в виде ингумации (в ямах и ямах под курганной насыпью — все находятся на площадке городища) и в виде кремации. Среди культур раннего железного века лесной полосы ближайшие аналогии погребальной обрядности находим у населения милоградской культуры. Здесь также известны трупоположения в ямах, трупоположения или кремация в ямах под курганной насыпью (в лесостепной части культуры) и кремация в небольших ямках. В последнем случае особое сходство проявляется в том, что никогда не ставился целый сосуд, в основном лишь какая-то часть. Отличаются же погребения тем, что в милоградских встречается более разнообразный материал, хотя и известно их значительно больше (Мельниковская 1967а: 41—54).

Проанализировав известные на то время погребения юхновской культуры, О.Н. Мельниковская сделала вывод о биритуализме в погребальной обрядности (Мельниковская 1970: 53). Причины данного

явления остаются полностью не выясненными. Повторюсь, что мы привыкли воспринимать погребальный обряд как наиболее устойчивый признак какой-либо археологической культуры, при котором невозможны отступления от норм, правил и традиций. Однако история и этнография дают нам примеры, что это возможно. Так, у чукчей до недавнего времени покойника хоронили, сжигая его, или же тело выносили в тундру (обряд оставления). При этом кремация была более престижной и давала преимущественное право на последующее возрождение (Косарев 2008а: 191). В современном Тибете астрологи определяли оптимальный способ погребения: захоронить в земле, утопить в воде или отдать на съедение стервятникам (Церинг 2005: 95). Данные примеры не могут быть напрямую экстраполированы на племена древности. Они приведены лишь для того, чтобы показать возможность разных способов захоронений. Различные виды погребения известны и для соседней с юхновской милоградской культуры. Один из ярких примеров — курганный могильник у с. Деснянка близ Чернигова. Так, в пяти раскопанных курганах зафиксировано трупоположение в ямах, а в двух — сожжение на стороне с последующим захоронением праха в основании насыпи (Шекун 1995: 155). Объяснить природу биритуализма лишь на основе археологического материала крайне сложно.

В связи с этим, возвращаясь к погребениям юхновской культуры, отметим, что связывать появление погребений на площадке городищ с военными столкновениями и поспешными захоронениями вряд ли обосновано. Подтверждением тому является захоронение под курганной насыпью на Киселевском городище.

Подводя итоги, отметим, что говорить о наличии биритуализма следует крайне осторожно. Вероятно, что при трупоположении погребальная обрядность соблюдалась, но лишь частично. Кремация может рассматриваться как предварительный акт в ритуальных действиях с покойным, за которым возможно погребение праха в землю в форме той же ингумации (Смирнов 1997: 14, 16). Соответственно, достигалась одна из основных целей, а именно, изоляция покойника путем зарывания тела (или праха) в землю. С другой стороны, следует помнить, что «основная идея погребальной обрядности — это идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, ориентация, положение с умершим могильного имущества, надмогильное сооружение, напутственное слово погребенному, обряд провожания души

и т. д. — все это работало на бесперебойность циклов возрождения. Малейшее отступление от погребального канона было чревато сбоями на пути осуществления жизненного круговорота» (Косарев 2008а: 197, 223). Не по этой ли причине подвергся разрушению ряд юхновских погребений, совершенных на площадке городища? Вероятно, данные покойники были погребены не по должному обряду, по обряду, чуждому юхновскому населению. Они могли представлять собой так называемых «опасных покойников», что и привело к ритуальному разрушению могил. После этого покойный не мог возродиться и, соответственно, не представлял опасности для живущих. Вспомним пасажа Ж. Дюмезилья о том, как Батраз отрубает руку Сайнаг-алдара (или Тотрадз Созырыко), а по традиции нартов хоронит без какой-либо части нельзя (Дюмезиль 1990: 190—191). Причиной тому, скорее всего, является то, что без какой-либо части тела невозможно «воскрешение».

Исходя из этого, а также вышесказанного, наиболее вероятным способом погребения для населения юхновской культуры является кремация с последующим захоронением праха в неглубоких ямках за пределами городища. Естественно, это только предположение, требующее последующих исследований. Предполагать иные способы погребений как то: выставление, оставление, водное погребение и т. д. вряд ли правомерно, так как в таком случае не было бы погребений в ямах (кремация и ингумация), т. е. передачи тела в нижний (подземный?) мир.

В целом же следует констатировать, что на сегодняшний день проблема погребальной обрядности юхновского населения остается открытой. Можно наметить лишь основные пути ее решения и сделать предварительные выводы. Их правильность или же ошибочность смогут показать лишь последующие исследования, направленные на изучение погребального обряда юхновского населения.

Литература

- Алихова А. Е. 1949. *Отчет о раскопках Авдеевского селища Курской обл. Ленинского района 1949 г.* Архив ИА РАН. № 349.
- Буйнов Ю. В. 1977. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры. *СА* (4).
- Буйнов Ю. В. 2006. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. *РА* (2).
- Григорьев А. В. 1981. *Отчет о работе Горбовского отряда Новгород-Северской экспедиции ИА АН СССР и ИА АН УССР в 1981 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1981/13а.
- Григорьев А. В. 1983. Раскопки у с. Горбово. *АО 1981*. М.
- Даниленко В. Н. 1953. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. *Доклады VI научной конференции Института археологии*. Киев.
- Дюмезиль Ж. 1990. *Скифы и нарты*. Москва.
- Ильинская В. А. 1957. О происхождении культур раннего железного века на Левобережье Среднего Днепра. *КСИИМК* 70.
- Ильинская В. А. 1961. Бондарихинская культура бронзового века. *СА* (1).
- Каравайко Д. В. 2005—2009. Городище Киселевка II в Новгород-Северском Полесье. *SP* 3.
- Ковалёва Л. Г. 1976. Поселение у х. Гришевка Борзнянского района Черниговской области (новые материалы по изучению раннего железного века бассейна Десны). *Открытия молодых археологов Украины*. Ч. 1. Киев.
- Ковальова Л. Г. 1979. Матеріали ранньозалізної доби з поселення Гришівка на Чернігівщині. *Археологія* 30.
- Косарев М. Ф. 2008. Жилище и его место в системе традиционных миропредставлений. *Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии)*. Тез. докладов. Москва.
- Косарев М. Ф. 2008а. *Основы языческого миропонимания*. Москва.
- Левенок В. П. 1963. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). *СА* (3).
- Мельниковская О. Н. 1950. Могильник у села Долинское Черниговской области. *КСИИМК XXXIV*.
- Мельниковская О. Н. 1965. *Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1965/48.
- Мельниковская О. Н. 1966. *Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1966 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1966/69.
- Мельниковская О. Н. 1967. *Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1967/43.
- Мельниковская О. Н. 1967а. *Племена южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва.
- Мельниковская О. Н. 1967б. Новые раскопки на Десне. *АО 1966*. Москва.
- Мельниковская О. Н. 1968. *Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1968/85.
- Мельниковская О. Н. 1969. *Отчет о работах Деснинского отряда Института археологии НПИ СССР в 1969 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р.-1. Д. № 4202.
- Мельниковская О. Н. 1969а. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме. *АО 1968*. М.
- Мельниковская О. Н. 1970. Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры. *МИА* 176.
- Мельниковская О. Н. 1970а. Городища юхновской культуры в бассейне р. Судости. *АО 1969*. Москва.
- Мельниковская О. Н. 1971. *Отчет о работах Деснинского отряда в 1971 году*. Архив ИА РАН. Р.-1. № 5778.
- Мельниковская О. Н. 1972. Работы Деснинского отряда. *АО 1971*. Москва.
- Мельниковська О. М. 1977. Могильник юхнівської культури та ранньосередньовічне поселення

№3. 2010

- на Чернігівщині. *Археологія* 24.
- Петровська Є. О. 1971. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я. *Археологія* 2.
- Пузикова А. И. 1981. *Марицкое городище в Посеймье*. М.
- Смирнов Ю. А. 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. *Исследование, тексты, словарь*. Москва.
- Флёрв В. С. 2007. *Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э.* (Труды Клин-Ярской экспедиции; Вып. III) М.
- Церинг Д. 2005. *Мой сын Далай-Лама. Рассказ матери*. Пер. с англ. Москва.
- Шекун А. В. 1995. Могильник милоградской культуры у с. Деснянка близ Чернигова. *Археологічні старожитності Подесення: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 70-річчю від дня народження Г. О. Кузнецова*. Чернігів.
- Шинаков Е. А. 1985. Раскопки в с. Случевск. *АО 1983*. М.
- Шинаков Е. А. 2002. Комплекс памятников у с. Случевск: к вопросу о пунктах-погостах. *Русский сборник*. Брянск.
- Шпилев А. Г. 2009. Межрегиональная научная конференция «Курский край в эпоху раннего металла и средние века» (Курск, 2007). *РА* (1).

Статья поступила в номер 7 октября 2009 г.

Dmitry Karavaiko (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Dimitrie Karavaiko (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Каравайко Дмитрий Владимирович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: dvkaravaiko@mail.ru

